

Демократия одного «клика»: возможности и проблемы управления в цифровую эпоху

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы и новые возможности для политического управления, связанные с современной «цифровой эпохой», новыми техническими возможностями, предоставляемыми гражданам Интернетом, возрастающей потребностью в расширении участия граждан в управлении и повышении прозрачности как инструмента контроля над деятельностью политиков и чиновников. Оцениваются возможности представительной и новые шансы прямой демократии («демократии одного клика»), доказана их взаимодополняемость в рамках модели «консультативной демократии». Рассмотрен удачный опыт взаимодействия низовых форм прямой демократии с центральными органами управления в ряде стран (Австрия, Исландия, Ирландия и др.)

Ключевые слова: постдемократия, цифровая эпоха, Интернет, представительная демократия, прямая демократия, соучастие в управлении, прозрачность, консультативная демократия.

1. Введение

Политическое управление в формате представительной демократии сегодня сталкивается с серьезными вызовами. Требованием времени становится вовлечение граждан в управление, особенно на низовом, коммунальном уровне, где их компетенции достаточно для того, чтобы решать многие насущные проблемы. Другим неотложным требованием является прозрачность как действенное средство против недоверия, как инструмент контроля над деятельностью политиков и чиновников [1]. Это центральная проблема, как преобладающего сегодня стиля управления, так и атак на него.

Серьезный вызов, брошенный сегодня представительной демократии, заключается в том, что последняя нередко трактуется как некий промежуточный этап между прямой демократией античного образца и будущей демократией одного «клика». Цифровая революция, «эпоха Интернета» трансформирует отношение общества к демократии, расширяя применение

принципа большинства на неполитические сферы жизни, подрывая легитимность институтов представительства, создавая невиданные прежде возможности для быстрой и оперативной коммуникации. Развитие демократии в современном мире все больше трактуется не столько как совершенствование институтов представительства интересов, сколько как их замена и движение в сторону прямой демократии. Вместе с тем вопрос о том, чем именно будут заменены эти институты, остается открытым.

2. Вызовы постдемократии

Термин «постдемократия» в последние годы вошел в топ самых употребляемых в общественных науках. В своей известной книге профессор социологии Уорикского университета (Великобритания) Колин Крауч утверждает, что в ряде отношений политика начала XXI в. возвращает нас к политике XIX столетия, которая определялась игрой, разыгрываемой между элитами. Причиной тому является упадок общественных классов, сделавших возможной массовую политику, и распространение глобального капитализма. Это, в свою очередь, привело к возникновению замкнутого политического класса, больше заинтересованного в создании связей с влиятельными бизнес-группами, чем в проведении политических программ, отвечающих интересам простых граждан. «...В политике не появилось ничего, что могло бы заменить собой тот вызов, который на протяжении XX века бросал интересам богатых и привилегированных организованный рабочий класс», - считает автор [2, с.11]. Об ущербе, наносимом демократической политической системе ослаблением левых политических сил и возрастанием роли элит, убедительно свидетельствуют и другие известные авторы [3]. Ключевым институтом, стоящим за этими переменами, является глобальная компания.

Другой приметой постдемократии можно считать медиатизацию политики. Несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой тщательно срежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые владеют техниками убеждения, и ограниченный небольшим кругом проблем, отобранных этими командами. Масса граждан играет пассивную, молчаливую, даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы, что напоминает не античную афинскую демократию народных собраний, а древнеримский форум, служивший плебисцитарным основанием для решений, принимавшихся политической элитой. Ядро популизма составляет скорее народ, а не гражданин демократии, наделенный индивидуальными правами. «Отдельные граждане, являясь истинными держателями права голоса, тем не менее, оказываются под давлением публичных предсказаний, которые самовыполняются методом замкнутого круга, выталкивая их из электоральных событий», - отмечает итальянский философ Д.Дзолло. - ...Тем самым опрос общественного мнения вытесняет демократию, «образ» предвещает реальность, высасывая из нее содержание, и усугубляются существующие тенденции к абсентеизму и политической апатии» [4, с. 287 - 288]. Рядом с реальным создается суррогатный электорат.

Однако за этим спектаклем медийной или электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами. По мнению К.Крауча, в условиях постдемократии, когда власть все чаще оказывается в руках деловых лобби, нет веских оснований рассчитывать на сильную эгалитарную политику перераспределения власти и богатства или на ограничение влиятельных заинтересованных групп.

Резко возросшее социальное неравенство, экономический застой в ряде стран все чаще выступают в качестве одного из основных факторов политического недовольства. Социальное положение, отодвинутое на периферию политической повестки дня, вновь возвращается в ее центр. Внимание людей все больше переключается на стесненные обстоятельства их жизни, побуждая к резко отрицательной реакции в адрес истеблишмента, ответственного за создавшееся положение и слабо реагирующего на сигналы, поступающие от экономически ущемленных групп.

Благоприятную почву для роста общественного недовольства деятельностью правящих элит в последнее десятилетие создала серия нескольких глубоких кризисов, адресовавших внешние вызовы демократической политической системе: финансового, экономического, миграционного. Экономическое недовольство, вызванное ростом неравенства в доходах, усугубилось опасениями (мнимыми или реальными) угрозы потери национальной идентичности, культурной самобытности вследствие массового наплыва в Европу мигрантов – представителей инокультурных групп. Произошедшие в ряде европейских городов террористические акты упрочили алармистские представления о необходимости срочных и экстраординарных мер; ответственность за возникшую угрозу общественной безопасности массы возложили не только на национальные правительства, но и на руководство Евросоюза, олицетворяющего политику «открытых дверей» и свободы передвижения. Членство в Евросоюзе не случайно стало удобной мишенью для политиков, критикующих неолиберальную модель глобализации и требующих возврата к национальному суверенитету.

Наряду с внешними возникли и внутренние вызовы демократической политической системе, выражающиеся преимущественно в снижении влияния традиционных «народных партий» и возникновении новых политических образований. В известном смысле это следствие дискредитации старых партий и открывшихся возможностей для политических предпринимателей, подобных лидерам новых партий, перехватить актуальную повестку, первыми отреагировать на новые общественные противоречия и конфликты. Массовые опросы показывают, что партии действительно теряют популярность, элиты «оторвались от земли», а материальные интересы различных слоев населения в представительных политических институтах зачастую де факто не представлены. Отсюда электоральное поведение становится менее уравновешенным и непредсказуемым, более волатильным. Однако заявления о конце представительной демократии или даже представительной политики и о необходимости форсированного перехода к прямой демократии все же

несколько поспешны¹. В том, что в обществе распространено политическое недовольство, в принципе нет ничего нового. Партийные системы изменяются, в том числе и потому, что избиратели во многих европейских странах не идентифицируют себя отныне с одной-единственной партией, как это было раньше, и лучшие времена для «народных» партий, суммарно получавших на выборах до 90% голосов, по-видимому, уже в прошлом [5].

Иными словами, неблагополучие представительной демократии очевидно, однако рецепты, предлагаемые популистами - вернуться на полвека назад, разрушить сложившееся союзы и нормативы ЕС, заменить плюралистическую демократию гомогенной и фактически плебисцитарной – не способ решения проблемы в XXI веке. Критикуя традиционные политические институты за то, что они не отражают надежды, страхи и озабоченность простых граждан, популисты прибегают к языку демократии, действуя в ее процедурных рамках. Однако цель, по крайней мере, некоторых вариантов популизма, заключается в разрушении демократических процессов, в изменении или отмене либеральных ценностей [6].

3. Демократический потенциал Интернета

Понятия «Твиттер-революция», Пиратская партия или кибер-пространство являются зримыми доказательствами того, как Интернет изменил демократическую политику в современном мире. Технические возможности Всемирной сети содержат в себе огромный потенциал, дающий возможность сформировать более инклюзивную политическую общественность, делая большое количество тем предметом общественного дискурса. Но реализация этого потенциала зависит от того, удастся ли противостоять двум взаимосвязанным вызовам, брошенным современным демократическим обществам: устойчивости существующего общественного неравенства и острой необходимости в интеграции расширяющейся общественности.

Большим достижением демократии было предоставление всем членам политического сообщества равных возможностей для решения общественных дел. Однако, вопреки формальному равенству, во многих современных демократиях интересы крупных хозяйствующих субъектов учитываются в гораздо большей степени, чем интересы простых избирателей. Вместе с тем критику в адрес сложившегося положения вещей можно уточнить, если принять в расчет различные измерения демократии. То, что описывается как «формальное равенство», затрагивает в первую очередь процесс демократического поиска решений через свободные и равные выборы.

От этого ключевого элемента демократии следует отличать формирование общественной воли. В этом случае в центре процесса стоит обмен аргументами, трактуемый в духе философии Ю. Хабермаса как рациональное толкование с целью возникновения добровольного консенсуса. Решающее значение имеет тот факт, что в принципе существует общественный форум, на котором граждане могут аргументированно обмениваться мнениями об общественных

---

¹ По мнению К.фон Байме, ламентации об упадке представительной ветви власти так же стары, как и сам парламентаризм.

делах и ставить под вопрос отправление власти посредством государственных или негосударственных акторов. Понятая таким образом делиберативная общественность развивает, с одной стороны, политическое пространство игры граждан демократического государства, которые посредством участия в выборах получают возможность презентовать в политический процесс свои политические убеждения и аргументы. С другой стороны, она также служит тому, чтобы подготовить формальное нахождение решения. Чем инклюзивнее и активнее аргументированный обмен в рамках политической общественности, тем основательнее следует учитывать, что формальные процедуры принятия решений принимают во внимание релевантную информацию и способ видения тех или иных проблем [7].

Бесспорен и тот факт, отмечаемый К. Краучем, что общественное формирование воли сегодня во многом определяется асимметрией власти, определяющей доступ к общественности и обсуждаемые темы. Эта асимметрия власти может быть понята в русле социологии П.Бурдьё как результат неравномерного разделения экономического, культурного и социального капитала. Говоря о культурном капитале, он различает между индивидуальным усвоением знаний в смысле персонального образовательного опыта и объективированием знания в форме культурных благ и институционализации в форме образовательных званий. Социальный капитал есть совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, связанных с обладанием прочной сети более или менее институционализированных отношений взаимного знания или признания [8].

В таком контексте медиа приобретают особое значение. С одной стороны, как писал П.Бурдьё о телевидении, они могут надолго воспроизводить и надолго стабилизировать общественную асимметрию власти. С другой стороны, медиа также могут, как показал Ю. Хабермас в знаменитом историческом исследовании «Структурная трансформация общественности», ставить под вопрос существующие конstellации власти, хотя они расширяют доступ к общественности или спектр обсуждаемых тем.

Знаменитая работа Ю. Хабермаса в современных условиях приобретает особую актуальность. По мнению немецкого исследователя Х.Мозера, в ней автор обосновал переход к так называемой «резонирующей общественности» еще в XVIII столетии. Тогда соотношение между общественно-политической и частной сферой приобрело свою специфическую форму. Частная сфера охватывает буржуазное общество в узком смысле слова, включая область обмена товарами и общественным трудом, семью с ее интимной сферой и т.д. Политическая общественность вышла из общественности литературной; посредством общественного мнения она информирует государство о потребностях общества [9, S. 90]. Ее рациональность ориентирована на ценность «лучшего» рационального аргумента, который призван легитимировать решения, принимаемые в политической сфере. Именно такая модель буржуазной общественности разрушилась в конце XIX века в результате развития медиа. Это привело к коммерциализированной массовой прессе; партии «уважаемых людей» превратились в массовые организации с широкой социальной базой, организованные надлокально, с развитым бюрократическим аппаратом и ориентацией на идеологическую интеграцию и

политическую мобилизацию широких слоев избирателей. Ю.Хабермас описал это развитие как «колонизацию жизненного мира», где императивы хозяйства и управления посредством денег и власти начали покорять жизненный мир.

По мнению немецкого исследователя К. Имхофа, в сегодняшнем мире происходит *второе структурное изменение общестственности*, которое особенно фундировано медийно: успешная политика интегрально подходит для производства событий современной медийной системы, что означает массивное приращение эвент-менеджмента, вследствие чего продукция в виде событий кажется все более исключительной для медиа. Там, где пространства игры узкие, а так называемые «деловые принуждения» велики, это подменяется жестами и символами или запросом на харизму, служащую важным ресурсом в борьбе за общественное внимание. Поэтому для руководящих позиций все более важными оказываются те качества, которые в классической модели принадлежали приватной сфере [10, с. 40].

Интернет отличается от классических медиа типа телевидения, газет, телефона и писем, по меньшей мере, в трех аспектах. Во-первых, он делает возможным передавать огромный массив данных на большие расстояния. Во-вторых, коммуникация через Интернет облегчает одновременный обмен между огромным числом участников коммуникации. Социолог М. Кастельс пишет об Интернете как о новом медиа массовой коммуникации, обладающем серьезным демократически потенциалом [11]. Как замечает С. Мюнкер, «с Веб 2.0 впервые в истории становится не только возможным, но и действительным массовое использование интерактивных медиа»[12]. В Интернете каждый может получить не только информацию, но и активно распространить собственную информацию и аргументы, сделав их доступными для широкой публики. Это маркирует четкое отличие от других масс-медиа, таких как радио, телевидение, при которых технически исключены возможности того, чтобы все реципиенты одновременно стали активными пользователями медиа и при которых необходимо постоянно регулировать, кто, в какой форме и по какой теме может высказаться.

Такое потенциальное расширение общестственности сопровождается сокращением значения экономического капитала для доступа к ней. Для индивидов, как и для политических организаций благодаря техническим возможностям Интернета отпадает множество тех затрат, которые до сих пор были необходимы, чтобы открыть доступ к общестственности или чтобы организовать в суб-общестственность. По мнению немецких авторов, идеальное представление Ю. Хабермаса о дискурсе, в котором все граждане независимо от их экономических ресурсов могут в равной мере участвовать в политике, кажется вполне достижимым уже в ближайшем будущем, во всяком случае, с технической точки зрения [13].

Таким образом, демократия получила большие шансы для развития благодаря Интернету, но последний не является ни исцелителем ее болезней, ни «дьявольским изобретением». Интернет знаменует начало эпохи новых технологий, которые влекут за собой глубочайшие изменения. Весьма вероятно, что существующие системы и структуры не доросли до требований этой новой эпохи. Чтобы соответствовать им на личностном, общественном или глобальном уровне необходимо действительно глубокое изменение самого

способа мышления людей. По мнению У. Райнхард, сегодня совершенно недостаточно лишь немного улучшить существующие структуры и системы, взятые из прошлого, и частично их обновить. Необходим подлинно новый старт. «Речь не идет о том, чтобы создать новый PR – канал для «старых» политических акторов, чтобы лучше достигать «людей, находящихся снаружи». И, с другой стороны, разговор о «сетевой политике» может идти лишь попутно, как об особом сегменте политики, имеющей своим предметом Интернет. В большей степени речь идет о том, как можно применить новые практики и технологии в маленьких, быстрых, обозримых пилотных проектах, ведущих к большей «демократии снизу»: к большей прозрачности, сплочению, обмену, вовлеченности, самоорганизации, идеальным не только для обитателей сети, но для всех граждан» [14, S. 6].

Вместе с тем с точки зрения обитателей цифрового мира, демократии уже не нужно быть представительной. Цифровая революция на свой манер внесла вклад в процесс делегитимации институтов представительной демократии, она демократизировала общественную жизнь ценой «ликвидации политики». По мнению И.Крастева, политические сообщества все больше утрачивают свое значение: сегодня сторонники политических партий являются лишь одной из социальных групп среди множества других выразительных сообществ, обитающих в интернете. «Сейчас для большинства людей совершенствование демократии означает движение в сторону прямой демократии» [15, с. 66].

4. Удавшиеся эксперименты демократии

Политики многих стран сегодня встревожены растущей апатией избирателей и сокращением численности партий, и эта тревога в известном смысле парадоксальна. По мнению К.Крауча, политики стараются делать все возможное, чтобы препятствовать созданию оппозиционных движений, разоблачению ими финансовых прегрешений истеблишмента, а также выступать против жесткого контроля со стороны политико-олигархических групп. Однако, с другой стороны, они нуждаются в пассивной поддержке со стороны избирателей, прежде всего, на выборах, реально опасаясь игнорирования со стороны последних и, как следствие, делегитимации. «Решение они ищут в том, чтобы каким-либо образом обеспечить максимальный уровень минимального участия» [16, с.140]. В целях преодолеть апатию избирателей, политики продлевают часы работы избирательных участков, разрешают голосовать по телефону или через Интернет и т.д.

В свою очередь, активные граждане подходят к этому парадоксу с другой стороны: зависимость политической элиты от масштабов массового участия они рассматривают как шанс на получение максимальных возможностей для проникновения в политику.

Огромное количество проблем, возникших в современную эпоху как внутри отдельных государств, так и на международной арене, требует для своего решения не только влияния на других, но и влияние совместно с другими. Этот принцип важен не только для внешней, но и для внутренней политики, поскольку совершенствование демократии внутри страны означает усиление ее привлекательности, т.е. ее мягкой силы [17].

Интеллектуальную поддержку этой позиции предложил известный американский политолог Ф.Шмиттер, сделавший ряд смелых предложений о том, как укрепить серьезное политическое участие, позволяющих решить эту проблему куда более эффективным способом, чем стандартные рецепты, предлагаемые традиционными политическими организациями. В частности, вместо государственного финансирования политических партий, широко распространенного во многих европейских странах, где деньги делятся между партиями в соответствии с итогами последних всеобщих выборов, Ф. Шмиттер призывает обратиться к принципам прямой демократии. Из объема выплачиваемых каждым гражданином ежегодных налогов будет вычитаться небольшая фиксируемая сумма, перечисляемая на счет партии, выбранной самим гражданином. Аналогичным образом он предлагает организовать финансирование групп давления и политических ассоциаций.

Еще более радикальным предложением известного ученого является идея учреждения народных собраний, которые сочетали бы в себе черты древнегреческой демократии, концепцию присяжных, применяемую в судебной практике англоязычных стран, и современную прямую демократию швейцарского образца. «По мысли Шмиттера, такое собрание, состоящее из ежемесячно выбираемых жребием граждан, рассматривало бы небольшое число законопроектов, переданных ему решением меньшинства (допустим, одной трети) постоянных членов парламента. Собрание будет вправе принимать данный закон или отвергать его. Очевидно, потребуются какие-то меры, чтобы предотвратить возможность нажима могущественных лобби на членов собрания. Но и этот проект, и предложение о финансировании партий имеют то достоинство, что непосредственно вовлекают простых людей в политическую жизнь и позволяют им делать свой выбор вне рамок банального участия в голосовании», - считает К. Крауч. [18, с. 141]

Очевидно, что предложения о народном собрании, звучащие все чаще, являются особенно ценными в случае применения их на нижних уровнях регионального и местного самоуправления. Со временем через такие собрания может пройти огромное количество граждан, обучающихся навыкам политической партисипации и проникающихся чувством ответственности и гражданственности в отношении вопросов политики. Вместе с тем новые возможности политического участия должны быть сначала многократно развиты и апробированы, и именно это уже давно и происходит в маленьких и больших регионах в странах Запада. «Именно на коммунальном и окружном уровне имеются проекты, в которые политическое самоопределение функционирует в новых форматах, пробуждающих гражданскую мотивацию. Например, строительство новой школы, где были привлечены архитекторы, бургомистр, учителя, родители, ученики – и только после этого школа была построена. Это и есть живая демократия», - отмечают австрийские исследователи [19]. В целом же существуют хорошие возможности на местном уровне нивелировать негативный контекст, создаваемый постдемократией, благодаря активной роли простых граждан. Речь идет, прежде всего, о противодействии тенденции к приватизации местных общественных услуг, к уменьшению роли местной политической прослойки в жизни общины и принимаемых ею решений. Формальная политика на местном уровне

сравнительно доступна для всех желающих и предоставляет для этого значительные возможности, что должно мотивировать демократически настроенных граждан на повышение роли местной и региональной политики, к требованиям децентрализации, к защите и расширению функций гражданских услуг, за которые отвечают местные власти.

Есть примеры, где для принятия решений серьезной значимости привлекаются опыт и идеи простых граждан. Коротко представим три из них.

4.1. Форальбергские советы граждан

Инновационным и хорошо функционирующим инструментом партисипации на земельном и региональном уровне стали Форальбергские советы граждан. Эти временные собрания граждан многократно апробировались, начиная с 2006 года, и были, наконец, закреплены в земельной конституции в 2013 году. Они функционируют предельно просто: от 10 до 15 граждан одной общины или одного региона избираются посредством жребия, чтобы в течение двух дней обсудить определенную тему, затрагивающую жизнь этого сообщества. Кроме того, имеется также земельный совет граждан, который созывается дважды в год земельным правительством и включает 20 – 30 персон. При подготовке заседания не предпринимается попыток собрать участников, обладающих специальными знаниями по этой теме. Они вступают в диалог друг с другом на основе собственного опыта и наличествующих знаний. При этом возникают новые идеи, которые служат рекомендациями для лиц, принимающих решения.

Для того, чтобы такая процедура функционировала, наряду со старой, проверенной техникой малых рабочих групп, необходима эффективная модерация, методы фасилитации и специфичный образ проективного мышления. Здесь должна быть также правильно решена известная в политологии «проблема экспертов». Для удовлетворяющей партисипации граждане должны хотя бы однажды быть в состоянии представить деловые фундированные доклады [20].

Конечно, и в Форальберге не все граждане являются активными участниками. Согласно сообщению этой земли от 2014 года, квота признания колеблется в районе 5%; из 600 жителей только 28 реально принимают в этом участие. Темы простираются широко: от практических вопросов непосредственного обустройства региона до основных политических вопросов. Во время заседания Совета граждан летом 2015 года обсуждался вопрос о приеме и обустройстве беженцев. И это очень интересный пример, потому что участники обсуждения – вопреки всем предостережениям – порекомендовали либеральную политику по отношению к беженцам. Только два важнейших из всех предложений были отклонены земельным правительством, а именно обязательные квоты для местных общин и быстрый доступ ищущих убежища к рабочим местам. Но это очень важная, по сути, деталь, показывающая, что это возможно – выразить пожелания, которые сложились у граждан в рамках процесса партисипации, а позднее на слушаниях в рамках представительных институтов, не обесценивая тем самым инструмент влияния на принимаемые решения как таковой [21].

4.2. Исландия: Конституция методом краудсорсинга

Еще один, в высшей степени инновационный проект, который, невзирая на свое поражение на последнем этапе, дал очень много ценного в понимании возможностей и границ соучастия в принятии решений - это разработка новой Конституции для Исландии. Избранный для этого метод смешивал элементы советов граждан с открытой консультацией в Интернете, выступавшей в качестве совета экспертов. В медиа этот процесс получил несколько броское название «Конституция посредством краудсорсинга».

Реформа конституции стартовала в 2009 году, когда Исландия в результате банковского кризиса едва избежала государственного коллапса. Для этого был создан целевая группа в количестве 950 человек. Часть из них была сформирована по системе квот, в соответствии с которой должны были быть представлены все регионы и все общественные группы. Эта тысяча людей самоорганизовалась в небольшие по численности группы и начала собирать тематические предложения. Они стремились совершенно сознательно осуществить решительный разрыв с политическим прошлым, в силу чего политики не должны были принимать участие в конституционном конвенте. Существовавшая с 1944 года Конституция не должна была подвергаться реформированию: предполагалось разработать практически с нуля совершенно новую Конституцию как новый основной каталог права.

Предложения малых групп затем были объединены в тематические блоки и выставлены в Интернете для дискуссии. Каждый гражданин или гражданка могли предложить какие-то изменения и прямо внести их в текст (Wiki-технология). Собственно проект окончательно дорабатывался в Конституционном совете из 25 членов: экспертов – юристов и представителей других наук. Этот проект 29 июля 2011 года был внесен в альтинг, исландский парламент, однако представленные в нем партии не пришли ни к единому решению, ни к дальнейшей доработке проекта, и он с тех пор заморожен [22].

4.3. Ирландия: конституционная конвенция

Ирландский конституционный Конвент был создан в 2012 году и проработал до марта 2014 года. Он состоял из 99 членов и одного председателевавшего. 9 членов были делегированы парламентом, 4 – парламентскими партиями, 66 были избраны в качестве посланцев электората по принципу «исторической пробы на выборку». Это значит, что выбор был случайным, внимание обращалось на то, чтобы регионы, возрастные группы, мужчины и женщины были представлены пропорционально своему удельному весу в социальной структуре населения.

Члены Конвента регулярно и еженедельно встречались (по выходным дням), в рабочих группах дискутировались предложения, поступавшие заблаговременно от экспертов. Результатом работы Конвента было предложение разрешить однополые браки. Это примечательный реформистский шаг, особенно для католической Ирландии, затем был утвержден в процессе референдума в 2015 году [23].

В последнее время в немецкоязычной литературе активно звучит тема открытой, жизнеспособной демократии, своеобразной Интернет-республики. С

учетом реальности участники дискуссии предлагают следующий взгляд на вещи: «Вопреки потенциально огромным шансам демократии и бесчисленному оптимистически-эйфорическому анализу технической осуществимости различных форм политического участия в Германии до сих пор отсутствует политическая воля к серьезному оформлению этого потенциала» [24]. Речь идет, прежде всего, о законотворческом процессе, возможности для открытого участия в котором предоставляет цифровая демократия. «Каждый может аннотировать и комментировать любую страницу и абзац с одним кликом по тексту, войдя в необозримое пространство информации и знания... Граждане хотят приносить пользу обществу, но вряд ли имеют возможность участвовать в государственном управлении и в политике. Государство и все сообщество получает здесь большой шанс. Привлекательные и умные платформы, которые встроены в процессы управления и законодательный процесс, имеют бесконечное изобилие задач, которые они могли бы решать вместе с гражданами. Мы должны лучше использовать продуктивный и конструктивный потенциал прямого участия – в конце концов, все мы вместе и есть государство» [25, S. 119]. Живая совместная политическая практика действительно является важнейшим камнем в фундаменте гражданского общества. Демократия изначально была в большей степени делом горячих дискуссий, брошюр и памфлетов, недели нечитаемых документов экспертов и отринутых временем книг.

Отсутствующая транспарентность отдельных законопроектов как и исключительная работа с законопроектами в органах управления, в парламенте или в лоббистских организациях – это картина, привычная для Германии. Но почему решение должно зависеть от отдельных представителей лобби, а не от миллионов людей, состоящих в различных объединениях? Иными словами, почему гражданин не вовлечен непосредственно в законотворческий процесс?

Благодаря безграничным информационным и коммуникативным возможностям Интернета стали возникать вопросы о прозрачности законодательных актов на всех этапах процесса своего возникновения. Почему, несмотря на технические возможности, у гражданина нет шансов сопровождать возникновение текста закона и вносить в него предложения? Почему государство отказывается от компетенции и знаний своих собственных граждан? Пример: Википедия базируется на идее краудсорсинга и в течение короткого времени создала Лексикон, который по объему и по точности может сравниться с Британской энциклопедией. Не следует ли таким же образом мыслить и государство? Интернет в будущем должен стать производительной системой как экономики, так и демократии, и теперь это дело граждан - создать такую производительную систему.

Законодательство есть центральный политический процесс. Существенный вызов информационной эпохи заключается в том, чтобы приспособить этот процесс к техническим возможностям, применяя при этом ценности демократии и правового государства.

Реформированный законодательный процесс должен соответствовать следующим условиям:

- генерировать действительно полезный контент;

- быть демократическим, т.е. каждый гражданин должен иметь возможность в нем участвовать;
  - ориентироваться на результат: человек, вносящий предложение, должен быть уверен, что его принимают всерьез (никакого кажущегося участия, каждый обеспечивает настоящую прибавочную стоимость!);
  - быть привлекательным и простым, понятным для многих [26].
- Уже сегодня существует несколько проектов возникновения открытого документа в процессе законотворчества.

Альтернатива 1: право возникает в сети (инициатива закона изнутри комьюнити)

Первый проект возникает в течение одной недели и закрыт для свободной обработки. В следующие три недели можно голосовать за этот законопроект. В это время необходимо найти достаточное количество тех людей, кто поддерживает законопроект. В организованном параллельно дискуссионном окружении можно одновременно дискутировать о точных формулировках и содержательном наполнении текста. В соответствии с точно определенными правилами голосования текст признается недостаточным, или пользуется слабой поддержкой, или нуждается в дальнейшей обработке в избранном круге добровольных авторов, где он обновляется и передается от автора к открытой дискуссии. И процесс повторяется, как после обработки в течение трех недель, закрывается и снова выставляется на голосование.

Открытые законодательные тексты с позитивным голосованием движутся дальше и затем автоматически и без голосования в бундестаге принимаются как так называемый «комьюнити - закон». Но депутаты бундестага сохраняют за собой право вето, чтобы, в случае необходимости, блокировать такие законопроекты [27, S. 123].

Включение так называемых «маклеров» модифицирует открытый процесс выдвижения проекта. Для него или для мультипликации темы выдвигаются уполномоченные персоны, которые для этой цели могут быть приняты со стороны министерств как нейтральные инстанции (не по содержанию, но в процессе). Преимущество такой процедуры заключается в том, чтобы тема с самого начала была лучше воспринята, если ее трансляторы могли бы персонально идентифицировать себя с проектом. Одновременно можно представить это в смысле ментора, что совещание только тогда обеспечит успех, в какой степени успешно будет преподнесена тема. Это означало бы известную степень профессионализации. Потенциальный недостаток в смысле открытости состоял бы в том, что маклер вряд ли может убедительно передать необходимость, в отличие от самого инициатора [28, S. 124].

Альтернатива 2: бундестаг и комьюнити рука об руку

Следующая альтернатива – это внесение принятого и совместно разработанного в комьюнити текста в бундестаг или в органы управления. Это имеет смысл с точки зрения взглядов на сложившиеся демократические структуры и процессы – в аппарат, который может быть модернизирован, но не заменен полностью. Если бундестаг проголосует против законопроекта

комьюнити, то тогда он будет обязан вынести на голосование лучшее или собственное предложение. Он должен поднимать значение той темы (законопроекта), которая предлагается населением (поскольку волнует его). Оба проекта – от бундестага и от комьюнити – становятся предметом народного волеизъявления.

Наглядным примером является закон, защищающий некурящих. Первоначальный обсуждаемый вариант закона предполагал практически полное ограничение курящих, то есть запрет на курение во всех общественных местах. Но из-за возмущений и обращений курящих граждан, закон частично изменили в пользу курильщиков, хотя и оставили достаточно жестким. При этом большинство депутатов высказывалось против закона о некурящих (в Бундестаге этот вопрос обсуждался с 1998 года и все время отклонялся депутатами). Но силами комьюнити такой закон был принят. Это яркий показатель того, как гражданские сообщества могут повлиять на политиков, которые отстаивают какие-либо частные интересы.

Альтернатива 3: законы нуждаются в экспертах – эксперты сидят везде в министерствах

Третья альтернатива оптимизирует существующий процесс через краудсорсинг – без того, чтобы его преодолевать. С гражданами обходятся как с экспертами, и предложения к участию направляются для граждан, обладающих особыми знаниями в соответствующей области. В то время как идея/тема/предложение к проекту готово выйти из комьюнити и посредством воитирования становится релевантным, поручение по разработке законопроекта, в конце концов, поступает на рассмотрение круга экспертов. Этот круг может состоять также и из экспертов министерства. Чтобы предотвратить «высыхание» цели законопроекта через формулировки экспертов, сам автор идеи и другие члены коммуны должны принадлежать к этому кругу экспертов. Пока полностью выработанный текст готовится к голосованию, у всех граждан еще есть возможность повлиять на его формулировки, добавить замечания и комментарии, которые могут быть поддержаны другими гражданами («I Like»). Каждый может предлагать свои формулировки. Самые активных в этом первом процессе «коммунальной корректуры» могут включить в число экспертов. Этот круг старых и вновь прибывших экспертов, отличающихся активностью и интересом к проблеме, вырабатывает предложения и изменения в текст закона. Последний предлагается коммуне для обсуждения, которая может его принять или отклонить. Так осуществляется так называемое «предостережение», необходимое для того, чтобы выявить грубые ошибки (если они окажутся), и обязать экспертов еще раз все проверить [29, S. 125].

Наряду с возможностью инициировать новые законы или поставлять общественно-значимые темы, срочно необходим мониторинг уже принятых законов («краудконтроль»). Сначала необходимо рассмотреть уже действующие законы на основе их практической пользы. Цель закона, дата его появления, сопровождающие предписания, примеры практического применения, правовое обоснование и, не в последнюю очередь, сам текст закона должны быть широко известны. Чтобы повысить участие граждан, должны быть возможны объясняющие описания и комментарии к тексту. Граждане

могут докладывать о своем опыте знания / исполнения закона, центральные проблемы в правоприменении могут быть централизованно документированы, чтобы сделать возможным широкую экспертизу.

Некоторые законы кажутся гражданам устаревшими или избыточными; их вначале нужно маркировать и передать в бундестаг на экспертизу. Граждане также должны участвовать в этой выборке старых законов и в обосновании необходимости в том или ином законе, экономя на бюрократии и следуя принципу: «Лучшее правительство – это такое правительство, которое меньше всего правит».

Остается еще ряд вопросов, главным из которых является следующий: как снова создать демократию, ориентированную на будущее? Как уйти от нынешних неполадок правителей к образу «открытого будущего»?

5. Заключение

Несмотря на стремительную актуализацию проблемы, вызванную электоральными процессами в ряде стран (Великобритания, США, Франция), и известную провокативность самой постановки вопроса о предпочтительности прямой демократии, особенно в странах, где ее всегда опасались и отдавали предпочтение представительству, противопоставление этих двух демократических форм лишено смысла. На наш взгляд, оживившаяся в последнее время дискуссия о возможностях и границах прямой демократии долгое время проистекала из неверной или ограниченной посылки, а именно допущения, что все решения о путях политического развития должны быть делегированы избирателям. Между тем представительная система имеет большие заслуги перед демократией: она гарантировала сохранение либеральной природы демократической власти, включая разделение властей, систему сдержек и противовесов, правовой характер государства и т.д. Ее преимущество, по меньшей мере, в теории, состоит в придании вопросу делового характера и в искусстве компромиссов. Ведь только в институтах представительной демократии, в парламентах, в партиях и правительствах могут вестись полноценные дискуссии о ценностях, а в политических решениях выработаны общая воля и сбалансированы ориентиры на будущее[30]. Поэтому демократии следует дать новый старт, в рамках которого представительные институты получают весомую поддержку со стороны различных форм прямой демократии. Большинство представленных выше моделей исходят именно из таких форматов публичного управления в современную эпоху, а приведенные case study подтверждают успешность и эффективность таких решений.

Неотложными сегодня можно назвать два требования: влияние граждан на процесс принятия решений и гарантированные возможности политического участия. Там, где эти два элемента встречаются в политической повседневности, могут возникать новые модели гражданского участия, например, *консультативная демократия*. Она может выстроить мосты между управляющими и управляемыми благодаря тому, что законодательные процедуры и процесс принятия решений будут проходить основательные консультации с гражданами, в том числе, в режиме Онлайн, генерируя тем самым команды «входа» в политическую систему со стороны ее базиса.

Консультативная демократия могла бы принять на себя одну из главных функций социального партнерства, а именно разработку экспертиз для правительства и трансляцию интересов различных групп в публичную политику². Эта модель гражданского участия - в случае ее успеха - может практически перерасти в четвертую власть – наряду с законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти.

Реалии демократии сегодня характеризуются смешанной формой, сочетающей элементы прямой и представительной демократии. «Без представительного элемента демократия существовать не может; без прямого элемента она не сможет существовать как демократия», - полагает австрийский политолог А.Пелинка[31]. Прямая демократия, по его мнению, это больше, чем иллюзия, но вместе с тем и не готовый рецепт. Она имеет свою стоимость и нуждается в надежных фильтрах в отношении демагогии и популизма.

Литература

- [1] Acar A., Kaufman S., Wintermann O. Reboot D – Digitale Demokratie. Alles auf Anfang. H.Heuermann / U.Reinhard (Hrsg.) - URL: <https://netzpolitik.org/wp-upload/Reboot-D-Digitale-Demokratie-Alles-auf-Anfang.pdf>
- [2] Demokratie neu starten – Arena Analyse 2017/ Walter Osztovics, Andreas Kovar, Bettina Fernsebner – Kokert. Wien, Kover ent Partners. - 76 S.
- [3] Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990.
- [4] Imhof K. Politik im „neuen“ Strukturwandel der Öffentlichkeit. Fög discussion papers. Zürich, 2008. – URL: http://jahrbuch.foeg.uzh.ch/publikationen/discussion%20papers/Politik_und_Medien.pdf, zugegriffen: 26. Juni 2012.
- [5] Jacob D., Thomas M. Das Internet als Heilsbringer der Demokratie? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 20.05.2014. – S. 22- 23.
- [6] Merkel W. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff // by-nc-nd/3.0/de/Autor:Wolfgang Merkel fuer Aus Politik und Zeitgeschichte/bpb.de (APuZ 40 – 42/2016).
- [7] Mueller Y.-W. 2016. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Repraesentation? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 30.09.2016. URL: <http://www.bpb.de/apuz/234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation> (проверено 08.02.2017)
- [8] Partizipative Medienkulturen. Positionen und Untersuchungen zu verändern. Formen öffentlichen Teilhabe. Biermann R., Fromme J., Verständig D.(Hrsg.).Springer, 2014. VI,- 300 S.
- [9] Pelinka A. Direkte Demokratie – mehr als nur Illusion, aber kein Rezept // Printquelle: SMS – Rundschau, Heft 2. 1999. S.109 – 119.

---

² По данным А. Пелинки, до конца 1990 года в Швейцарии было проведено 379 народных голосований по местным вопросам, беспокоящим людей; во Франции и Италии – 21, в Дании – 15, в Ирландии – 13, в Австралии – 45 и в Калифорнии целых 1098 [36, S. 111].

- [10]Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр. /Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993. - 333 с.
- [11]Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. - 368 с.
- [12]Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А.А. Калинина, Г.В. Эдельмана, М.А. Юсима; Гос. ун - т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшей школы экономики, 2010. - 320 с.
- [13]Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
- [14]Крастев И. Управление недоверием / Иван Крастев; пер. с англ. А.А.Ожигановой. – М.: Издательство «Европа», 2014. – С. 16 – 18.
- [15]Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В.Эдельмана; Гос.ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. - 192 с.
- [16]Най С. Дж.(мл.). Будущее власти /Пер. с англ. В.Н.Верченко. – Москва: АСТ, 2014. – С. 148 - 156.
- [17]Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин; Научный редактор перевода В. Софронов. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 448 с.

Democracy of one "click": opportunities and problems of governance in the digital age

A. V. Glukhova

Voronezh State University

The article is focused on the problems for political management in the modern "digital age". New technical tools provided to citizens increasing opportunity for civil participation in governance. It is also increased transparency as an instrument of control over the activities of politicians and officials. According to the research these possibilities gave new chances for direct democracy ("one-click democracy") and could reload the representative one. Author proved complementarity of those two types of democracy in the framework of the "advisory democracy" model. It was considered the successful experience of interaction of grass-roots forms of direct democracy with central government in a number of countries (Austria, Iceland, Ireland, etc.).

Keywords: post-democracy, digital age, Internet, representative democracy, direct democracy, complicity in governance, transparency, advisory democracy.